



**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНИЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 17.

1-го СЕНТЯБРЯ

1876 года.

СОДЕРЖАНІЕ.— Слово, сказанное въ Кафедральномъ Троицкомъ соборѣ священникомъ Спасской церкви Николаемъ Марковымъ, въ день тезоименитства Государыни Императрицы и Цесаревны— «о нашихъ обязанностяхъ къ государству, народу и славянству». — Леченіе отъ водобоязни (продолженіе).

Слово, сказанное въ Кафедральномъ Троицкомъ соборѣ священникомъ Спасской церкви Николаемъ Марковымъ, въ день тезоименитства Государыни Императрицы и Цесаревны— «о нашихъ обязанностяхъ къ государству, народу и славянству».

«Истину глаголю о Христѣ, не лгу послушствующей мя совѣсти моей Духомъ Святымъ, яко скорбь ми есть велия и непрестанная болѣзнь сердцу моему: молил-быхъ бо ся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти», (Рим. IX, 1—3)

Если разумъ и значеніе вообще священныхъ празднествъ должны возбуждать соотвѣтственныя мысли въ сознаніи и чувствованіи въ сердцѣ празднующихъ; то дни торжествъ государственно-народныхъ, каковъ настоящій день тезоименитства Государыни

Императрицы и Государыни Цесаревны, — которые, как два прекрасныя созвѣздія блистаютъ на горизонтѣ Россіи свѣтомъ царственныхъ дѣлъ человеколюбія и согрѣваютъ по истинѣ человѣческими чувствами любви, щедрой благотворительности и нѣжной заботливости сердца бѣдствующихъ не только великой Русской семьи, но и братьевъ нашихъ соплеменниковъ, — эти дни, говорю, что другое должны вызывать въ насъ, какъ не сознаніе о нашемъ общемъ гражданскомъ, народномъ и племенномъ долгѣ и расположеніе, обѣтъ сердечный свято выполнять этотъ долгъ.

Въ этомъ сознаніи и стремленіи преимущественно и можетъ выразиться полное внутренняго значенія торжество настоящаго дня.

И слову церковному, чтобы быть общенароднымъ назиданіемъ, всего умѣстиве въ настоящій день коснуться этихъ нашихъ гражданскихъ обязанностей, чтобы показать ихъ нравственную общеобязательность и определить дѣйствія, въ которыхъ должны осуществляться эти священные обязанности.

И такъ: первый нашъ долгъ относится къ государству и состоитъ въ подчиненіи верховной власти его и государственному порядку.

Государство представляетъ вышнюю форму, какъ-бы охранительную оболочку, въ которой и подъ покровомъ коей развивается жизнедѣятельность извѣстнаго народа. Государство охраняетъ личность каждаго съ ея интересами, опредѣляетъ права и обязанности, даетъ средства для безпрепятственнаго развитія нашихъ силъ и устройства не только нашего вышняго благосостоянія, но и внутренняго духовно нравственнаго. Ибо только при твердости государственныхъ отношеній можетъ свободно и естественно развиваться, крѣпнуть и проицвѣтать доблесть нравственныхъ характеровъ и чистота ихъ дѣйствій. Христіанское ученіе, заповѣдая повиноваться властямъ и законамъ не изъ — за страха только, но и по совѣсти, указываетъ непосредственную цѣль этого въ томъ, что подъ покровомъ твердаго государственнаго устройства только и возможно проводить тихую и безмятежную жизнь во всякомъ благочестіи и чистотѣ. (I. Тим. II, 1-2).

Но съ этимъ христіанскій духъ соединяетъ еще высшее побужденіе къ исполненію обязанностей государственныхъ: подчиненіе власти и законамъ, какъ установленію божественной Воли, управляющей царствами и народами. Нѣтъ власти, которая не была бы отъ Бога, существующія власти Богомъ установлены. Въ этомъ ученіи, разсматриваемомъ въ приложеніи къ исторической судьбѣ царствъ и народовъ, должно видѣть тотъ глубокой смыслъ, что вообще верховная власть въ государствѣ есть олицетвореніе высшей міродержащей Воли Божіей, и что извѣстная форма государственнаго устройства, законодательства и управленія не есть

дѣло случайное, но находится въ тѣсной связи съ нравственными свойствами и качествами народа. Прощаніе народной жизни и упадокъ ея, пахотель въ естественной зависимости отъ нравственныхъ расположеній народа, служатъ справедливымъ возмездіемъ народоправящей божественной Правды за нравственную доблесть, или нравственную вину народа.

Безъ сомнѣнія, если требованія государственной власти противорѣчатъ высшимъ христіанскимъ обязанностямъ — въ такомъ случаѣ Богу должно повиноваться болѣе, нежели людямъ. Но тамъ, гдѣ власть и законы не требуютъ ничего противнаго священнымъ обязанностямъ, какъ это въ нашемъ православию отечествѣ, гдѣ Особа Государя, становясь въ главѣ государства, получаетъ высшее *религіозное освященіе и вниманіе*, какъ избранникъ и помазанникъ Божій, гдѣ Царь является не только могущественнѣйшимъ властителемъ, но и защитникомъ высшихъ религіозныхъ интересовъ народа, какъ общества вѣрующихъ, сколько особенныхъ побужденій не только подчиняться верховной власти и законамъ, но и свято чтить и сердечно любить своего Государя, возсылая къ Богу моленія, прошенія и благодаренія прежде всего за царя!

Въ чемъ же долженъ выражаться нашъ долгъ по отношенію къ государству вообще?

Одна изъ первыхъ общихъ обязанностей гражданскихъ состоитъ въ томъ, что всѣ члены государства должны честно охранять, какъ высшую цѣльность государства, противодѣйствуя враждебному посягательству не только внѣшнихъ враговъ, но и внутреннимъ противогосударственнымъ стремленіямъ и замысламъ, — такъ и существующее въ государствѣ внутреннее устройство. Отъ твердости внутренняго устройства государства еще болѣе, чѣмъ отъ внѣшней цѣлости его зависитъ спокойное и правильное развитіе всякой внутренней дѣятельности. Твердость же внутренняго устройства основывается на честномъ исполненіи членами государства его законовъ. Укрѣпленіе въ обществѣ *чувства законности* есть первое условіе для этого. Но *общественное*, какъ нравственное, чувство законности пристокаетъ изъ *личнаго* уваженія къ закону каждаго члена общества. — Общій долгъ также всѣхъ членовъ государства — содѣйствовать всѣми силами и средствами развитію и процвѣтанію своего общества во всѣхъ проявленіяхъ его жизни: въ религіозномъ, умственномъ, нравственномъ и т. д.: да возбудится просвѣщенная ревность служителей слова — пролить въ обиліи свѣтъ истинъ вѣры, что-бы опакилась предъ нимъ мрачная картина суевѣрія и невѣжества. Юное поколѣніе да найдетъ въ законоучителяхъ образователей ума и нравовъ, чтобы первыя искры познаній содѣлались искрами истинной вѣры, просвѣщающей всякаго человѣка, и особенно къ устнымъ наставленіямъ да при-

соединится примѣръ жизни, и так. обр. духъ благочестія, воспитываемый словомъ и жизнью, проникнетъ и оживитъ духовными интересами жизнь общественную.—Служители наукъ и народнаго просвѣщенія! Съ удвоенными усилиями несите свѣточъ науки въ общество и въ народную школу, подвергая строгому испытанію плоды изслѣдованій предметовъ знанія, отдѣляя въ нихъ все нечистое и вредное, предшествуя общественному незрѣлому мнѣнію здравыми сужденіями объ основахъ общества, каковы святость семьи, верховная власть и общественный порядокъ, подобаясь благодѣтельнымъ звѣздамъ, указующимъ путь мореплавателю среди мрака, а не блудящимъ огнямъ, совращающимъ путника съ истиннаго пути. Незрѣлая идеи, гибельные вопросы невѣрія и сомнѣнія да исчезнуть изъ святилища народнаго школы! Мужики правды и общественной совѣсти! Не останавливайтесь только на временномъ врачеваніи общественныхъ болѣзней и язвъ, но проникайте до самаго начала недуговъ гражданскихъ и заграждайте источники зла, заставляя войти въ предѣлы закона и справедливости то, что выходитъ изъ нихъ ко вреду общему. Безобразная частная личность да исчезнетъ передъ священнымъ лицомъ закона! Владѣлецъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ да сознаетъ правственную обязанность содѣйствовать улучшенію какой либо части въ общественной жизни, *напр.* дѣлу народнаго образованія, которое составляетъ неотразимую потребность настоящаго времени. Всякій, наконецъ, можетъ, и долженъ содѣйствовать общему благу добрымъ выполненіемъ своихъ частныхъ обязанностей, честнымъ личнымъ трудомъ и искреннимъ сочувствіемъ всякому истинно полезному общему дѣлу. Изъ добросовѣстнаго отношенія къ этимъ обязанностямъ каждаго члена общества и складается великая сумма общаго блага въ которомъ имѣетъ свою долю участія и каждое отдѣльное лицо.

Второй гражданскій долгъ нашъ—*это любовь и преданность народу и духу народности.*

Каждая народность, какъ живой организмъ, съ ея основными первичными формами общественности, съ ея самобытнымъ языкомъ, съ ея религіозными вѣрованіями, съ ея конечнымъ назначеніемъ въ средѣ другихъ народностей--не есть созданіе сознательной воли отдѣльныхъ лицъ, но дѣло природы, т. е. чтобы придать разумный смыслъ этому слову, дѣло міроуправяющей высочайшей Воли. Отмѣченное священною лѣтописью бытія челоуѣка *раздѣленіе языковъ, расселеніе народовъ, какъ непосредственное дѣло божественнаго Провидѣнія* и фактическая исторія избранія и образованія народности древиаго Израиля въ средѣ другихъ--для высшаго просвѣтительнаго служенія въ исторіи челоуѣчества, даетъ право заключить, что и всякая народность въ планѣ Божественнаго міроуправленія имѣетъ свое особенное *призваніе и избраніе.* Эту

высокую идею о божественном народоназначеніи святой учитель народовъ, Апостолъ языковъ вразумительно высказалъ въ знаменитой рѣчи предъ аѳинскимъ Ареопагомъ: «Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, говоритъ св. Павелъ, отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческой для обитація по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы обитаціи ихъ, дабы они искали Бога, не ощущать ли Его и не найдутъ ли Его.»

Если так. обр. народъ въ своемъ образованіи и назначеніи есть дѣло Божія Провидѣнія, если въ различныхъ народныхъ типахъ воплощается особенная идея Божія міроуправленія; то чувство любви и преданности народу, то чувство благоговѣйной любви къ родинѣ, которое называется патриотизмомъ въ истинномъ смыслѣ, есть священный долгъ каждаго сына отечества, можно сказать религиозно-нравственная обязанность каждаго члена народа. Вотъ почему Св. Исторія изображаетъ рядомъ съ высокими дѣлами вѣры великіе подвиги патриотизма, ставя ихъ какъ равное дѣло служенія Богу. Вотъ почему самоотверженная преданность и святой пламенный любви къ народу, отечеству, племени, какъ и высшее религиозное настроеніе, возвышали нѣкоторыхъ и самыхъ великихъ подвижниковъ вѣры до такого самоотверженія, что они готовы были не только жертвовать своею жизнію, но и самою къ нимъ лично милостію Божіею, лишь-бы пріобрѣсть этою жертвою благоволеніе Божіе къ своему народу. Великій вождь Израильскій, Моисей, молить Бога, лучше да изгладитъ его имя изъ книги живыхъ, только не лишитъ своего благоволенія народъ свой. «Истину говорю, не лгу, какъ свидѣтельствуешь мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по племени т. е. Израильтянъ...» Такими торжественными и огненными рѣчами выразилъ свое патриотическое чувство Апостолъ народовъ, слова котораго мы привели въ началѣ, что бы придать и нашему слабому слову дѣйствіе благодатной силы духа Апостольскаго. — Представляя эти примѣры возвышенной любви къ народу, я однакожь не думалъ сказать, что любовь къ отечеству есть такой подвигъ, до сознанія и выполненія котораго могутъ возвышаться только нѣкоторые избранные сыны народа. Любовь къ родинѣ составляетъ такую же естественную привязанность, какъ любовь къ родной семьѣ. Связь съ народомъ, какъ связь съ семьей, создается не только сознательною личною волею, но и еще болѣе самою природою. Самое слово *народъ* прекрасно выражаетъ, что это есть естественно разросшійся *родъ* — семья. Народъ — это единая великая родная семья. Происхожденіе отъ одного корня, жизнь подъ одними условіями природы и общества,

помимо нашего сознания и воли, создаетъ средство мыслей, ощущений и расположений, которое выражается въ единствѣ общаго народнаго языка, — единство вѣрованій, правды, быта, общности радостей и бѣдъ — возбуждаетъ то *народное сочувствіе*, которое связываетъ членовъ одного племени и народа въ нерасторжимый союзъ, столько же естественный, сколько союзъ семейный.

Въ чемъ состоитъ долгъ, налагаемый на насъ *идею народности*? Сознаніе и чувство народности должно проникать нашу душу, такъ чтобы во всей нашей духовной личности воплощался истинно народный духъ. Нашъ образъ мыслей и понятій, строй чувствованій и складъ расположений долженъ запечатлѣваться духомъ народности т. е. опираться на истинныя коренныя основы народнои жизни, изъ которыхъ главная *вѣра*, какъ духовно просвѣтительное начало, *народный языкъ*, какъ сокровищница народнои мысли и души, *основныя черты быта*, какъ воплощеніе нравственныхъ идеаловъ народа. Разрывъ, особенно сознательный съ народомъ разрывъ, который выражается въ пренебреженіи его исторіи, быта, языка и особенно его высшаго духовнаго начала вѣры — есть измѣна народу! Для насъ должно быть священно, какъ ковчегъ завета нашихъ предковъ, все, въ чемъ выражалась истинная духовная жизнь народа, останки имъ чтимой святости, памятники исторической жизни, плоды его духовной и умственной дѣятельности. Для насъ особенно должны быть дороги имена и дѣла великихъ народныхъ дѣятелей, какъ подвижниковъ добра, истины и правды. Уваженіе къ этимъ подвижникамъ для блага народа, знакомство съ ихъ жизнію, сочувствіе ихъ благимъ стремленіямъ, равно какъ и уваженіе къ памятникамъ духовной жизни народа, въ которыхъ живетъ неумирающій геній народа, можетъ содѣйствовать усвоенію нами лучшихъ свойствъ народнаго духа и развиваетъ въ насъ *народное самознаніе*, на которомъ зиждется просвѣщенная и плодотворная любовь къ отечеству. Возбуждать эту любовь должно наше воспитаніе — *национальное*; просвѣтлять это самознаніе должна наша истинно воспитывающая школа — *народная*, развивая любовь къ народу, патриотизмъ вниманіемъ и искреннимъ уваженіемъ къ его исторіи, языку, быту, вѣрѣ — этимъ не сокрушимымъ скрижалямъ народнои жизни, мудрости и славы. Иное воспитаніе дастъ людей, для которыхъ *тамъ отечество, гдѣ ихъ особъ хорошо*, или еще хуже — *лишнихъ людей*, для которыхъ нигдѣ нѣтъ отечества. Воспитываемая такъ об. любовь къ отечеству не есть только любовь къ старинѣ, но мудрая любовь, для которой нѣтъ будущаго для народа безъ основъ въ прошломъ. Это и не та отвлеченная любовь, по которой любятъ родину, отечество, русскаго человѣка, какъ-то страну *вообще*. Народъ, какъ нѣчто живое, состоитъ изъ личностей и потому любить народъ —

значитъ любить его въ живыхъ людяхъ, какъ прошедшаго, такъ и настоящаго времени. Эта любовь къ живымъ уже не ограничивается пустыми мечтами и безплодными чувствами, но свидѣтельствуется трудами и подвигами для блага народа. Она дѣлаетъ близкими всѣ интересы народа, ее радуютъ всѣ успѣхи народа, ее глубоко печалитъ всѣ страданія народа. Она не дѣлаетъ уже эгоистическаго различія между своею особою и чужими, но въ страданіяхъ и радостяхъ другихъ принимаетъ столько-же дѣятельнаго участія, сколько въ своихъ собственныхъ. Проникнутый ею къ народу, признающій во всѣхъ соплеменникахъ братьевъ одной великой, семьи долженъ, конечно, признать своими и страданія и радости этой семьи и т. об. *усвоить себѣ скорбь и надежды цѣлаго народа, всего племени...*

Да, братья, Русскіе! *любовь—обнимающая не только Русскій народъ, но и соплеменныхъ братьевъ составляетъ третій нашъ гражданскій долгъ*, налагаемый не только единствомъ нашего общаго происхожденія, но и единствомъ высшихъ основъ жизни и вѣрованія, общностию высшаго нравственнаго историческаго призванія, указаннаго Провидѣніемъ для Славянскаго племени. Если каждый народъ осуществляетъ въ своей жизни идеи народоправящей Воли Божіей, то эта цѣль достигается въ историческомъ развитіи силами не одной только отрасли извѣстнаго племени, какъ бы она ни была могуча и жизненна въ самой себѣ, но единствомъ и цѣлостностію сознанія этого племеннаго призванія,—по отношенію къ намъ, общностию *сознанія идеи Славянства*, живаго и дѣятельнаго сочувствія, нравственной взаимопомощи и поддержки другъ друга—всеми славянскими народами, какъ братьями одной великой семьи. Особенно этотъ нравственный долгъ лежитъ на тѣхъ, кому дано Провидѣніемъ много, по правилу христіанской любви: сильные должны немощи слабыхъ носить,—именно на насъ Русскихъ по отношенію къ нашимъ южнымъ Славянскимъ братьямъ, подвижникамъ и страдальцамъ за идею Славянства, которая выражаетъ *истину православія и стремленіе къ благамъ и правамъ христіанской гражданственности* въ борьбѣ съ фанатизмомъ Турецкаго Магометанства, которое, подлище проявляетъ нынѣ тамъ адское царство невѣжества, угнетенія, звѣрства, которому трудно найти подобіе не только среди дикорей, но и настоящихъ дикихъ звѣрей. Священники вѣшаютъ въ алтаряхъ! Невинныя дѣти избиваются сотнями въ школахъ! Слабые старцы предаются безчеловѣчнымъ пыткамъ смерти. Славянскія женщины и дѣвы обезчещиваются, и поруганныя—сожигаются сотнями на кострѣ своими наслователями, испуская духъ съ нечеловѣческими воплями,—жертвы самаго грубаго насилія, голосъ крови и безчестія которыхъ достигаетъ только развѣ не-

бесъ, да Божія Правосудія, ибо на землѣ ихъ защитники-ль отцы мужа и братья сами избиваются поголовно!... Представляла что либо подобное гдѣ-либо и когда-либо не только дѣйствительность, но и воображеніе? А нынѣ тамъ, гдѣ колыбель нашей вѣры, — это не вымыслъ воображенія, не преувеличенныя извѣстія, но фактъ, не единичный, но непрерывный рядъ подобныхъ фактовъ, не опровержимыхъ, увъ! безнаказанныхъ и о стыдѣ! Европейской Христіанскою совѣстью невѣриваемыхъ совершителямъ. Боже Милостивый! Гдѣ-же и когда мы живемъ? Не въ средѣ-же шакаловъ и тигровъ пустынь. Не въ вѣка звѣрскихъ гоненій на Христову церковь. Нѣтъ: въ Европѣ, гдѣ уже давно истреблены дикіе звѣри и гдѣ однакожъ кровоіиствуютъ, какъ самые кровавадныя звѣри — Турки, — въ XIX вѣкѣ, вѣкѣ гуманности и христіанской цивилизаціи, которая однакожъ равнодушно взираетъ на звѣрское истребленіе свѣжихъ, полныхъ жизни Славянскихъ народностей, своихъ христіанскихъ братьевъ дикими и развращенными фанатиками магометанства, и не только равнодушно смотритъ на это, но даже цинически оправдываетъ это неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи фанатическое звѣрство священнымъ правомъ власти, узиротворяющей бунтующихъ! О, воскресни Боже и суди, самъ суди землѣ, забывшей свое христіанское братство съ страждущими, свою человѣчность!... Воскреснулъ Богъ правды и отмщенія за вѣковыя страданія въ мужественныхъ сердцахъ мучениковъ вѣры православной, нашихъ Славянскихъ братьевъ — Герцеговинцевъ. Воскреснулъ Богъ силы и брани въ благородныхъ душахъ Сербовъ и Черногорцевъ. Воскреснулъ Богъ славянскаго побратимства въ нѣкоторыхъ изъ сыновъ нашего отечества, изъ которыхъ одинъ геройски пролилъ дорогую каплю Русской крови въ море Славянской крови, проливаемой за дѣло Славянства. Воскреснулъ Богъ щедроты и благостыни въ сердцахъ всѣхъ Русскихъ, не только соскорбящихъ своимъ братьямъ по крови и духу, но и въ продолженіи цѣлаго года дружно посылавшихъ свои лепты соплеменникамъ, лишеннымъ отечества, крова, нищи и одежды. Воскреснулъ Богъ мира въ сердцахъ (которое по истинѣ въ руцѣ Божіей) Царя нашего, который, не смотря на всѣ препятствія, клевету, зависть и вражду къ намъ, какъ ангелъ мира, могущественнымъ вліаніемъ своей Особы остановилъ потокъ брани, угрожавшей залить кровопролитною общою войною все лицо Европы, опредѣлилъ ему тѣсныя предѣлы одного Балканскаго полуострова, какъ-бы сказавъ волнующемуся морю брани — доселѣ дойдешь, и не далѣе. И судъ Божій совершается и — совершится! Туда нынѣ устремлены взоры всего европейскаго міра, ожидая рѣшенія тайныхъ судебъ цѣлыхъ царствъ и народовъ. Подробности этого суда Божія покажетъ всему свѣту — время, по сущности его видима

уже и теперь. Это окончательное разложіе турецкаго магометанства. Это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства православнаго южнаго Славянства. Это грозное посредствомъ меча и крови осуществленіе общаго Славянскаго дѣла: изгнаніе Турецкой орды изъ Европы.

Послѣ такихъ размышленій о значеніи настоящей борьбы нашихъ братьевъ по крови и вѣрѣ съ невѣрными, какъ не смотрѣть на славянскія дружины, какъ не на рати Божіи, какъ не на исполнителей высшихъ судебъ всего славяно-православнаго міра, и какъ намъ Русскимъ въ особенности не сочувствовать нашимъ южнымъ братьямъ въ ихъ геройской борьбѣ, которая есть только неизбежное продолженіе того великаго дѣла Славянства, которое начатое еще Петромъ Великимъ, ознаменовано великими подвигами и побѣдами слугъ Екатерины Великой: Потемкина, Румянцева, Суворова, которое приведено къ концу могучею рукою Николая I го, и если не завершилась, то благодаря только измѣнѣ христіанскимъ интересамъ и враждѣ къ намъ—явно: Британіи, Галліи и Сардиніи, и тайно всего запада—въ тяжелую, но славную для насъ эпоху Севастопольской обороны! Настоящее дѣло южныхъ Славянъ есть наше дѣло. Ихъ побѣда будетъ вѣщью нашихъ вѣковыхъ стремленій, жертвъ и славы. Братья Русскіе! Славянскіе братья наши по крови, братья по вѣрѣ, братья страждущіе, братья сподвижники общаго нашего Славянскаго дѣла имѣютъ право не только на наше нравственное сочувствіе, но и на дѣятельную помощь и поддержку. Да прострется же крѣпкая и щедрая рука великой и святой Руси на пособіе всякаго рода, кто къ чему довлѣетъ, нашимъ единоплеменникамъ, которые теперь въ немъ всего болѣе нуждаются и на которое имѣютъ тройное право: человеческое, племенное, христіанское. Эта помощь въ настоящемъ случаѣ возвышается и расширяется до истинно-человѣческаго т. е. истинно-христіанскаго чувства *любви и братства*. Аминь.

Леченіе отъ водобоязни.

(Продолженіе.)

Такимъ образомъ, таинственное и, конечно, весьма сомнительное леченіе хитраго дидуса осталось безъ примѣненія: Тогда родные г. Заруднаго, все еще не отчаяваясь спасти его, обратились къ другому знахарю, крестьянину Зміевскаго уѣзда, оказавшемуся молодымъ парнемъ лѣтъ 20. Это одно уже, «по правдѣ сказать,—разсказываетъ сынъ г. Заруднаго, очевидецъ всей этой исторіи,—не внушало большаго довѣрія къ молодому знахарю, по предубѣжденію, что знахарь непременно долженъ быть старикъ».

Однакожь, какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и въ этомъ случаѣ огорченные родные больного хватались за малѣйшій проблескъ надежды.

Молодаго знахаря привели къ большому въ моментъ страшнаго припадка. Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на несчастнаго.. Знахарь осмотрѣлъ его, перекрестился и, сказавъ, что если Богъ поможетъ, то и онъ поможетъ, нимало не медля потребовалъ суровцу (*), влилъ его въ рюмку, всыпалъ туда щепоть привезеннаго съ собой какого-то порошка и поднесъ больному; но тотъ съ ужасомъ оттолкнулъ рюмку, такъ что она полетѣла на полъ и разбилась. Тогда знахарь потребовалъ кусокъ ржанаго хлѣба, вынулъ оттуда мякишъ, смялъ его вмѣстѣ съ порошкомъ и далъ больному проглотить. Такъ какъ въ это время больной нѣсколько успокоился и пришелъ въ себя, то съ радостью схватилъ предложенный ему катышекъ и проглотилъ. Тогда знахарь перекрестился вторично и сказалъ, что теперь онъ надѣется помочь.

И дѣйствительно, уже послѣ перваго приѣма порошка припадки водобоязни у г. Заруднаго ослабли, а послѣ втораго и вовсе прекратились, такъ что третій приѣмъ данъ уже былъ въ полурюмкѣ суровца... Съ этой минуты больной былъ спасенъ; на новолуніе приѣмъ порошка былъ еще разъ повторенъ, и леченіе окончилось такъ успѣшно, что г. Зарудный преблагополучно прожилъ послѣ того еще слишкомъ тридцать лѣтъ.

По свидѣтельству Николая Заруднаго—сына, напечатавшаго это любопытное сообщеніе въ Харьк. Губ. Вѣд. (№ 32, 1860 г.), молодой знахарь, такъ счастливо вылѣчивъ отца автора, много разъ и послѣ того также блистательно излѣчивалъ всѣхъ страдавшихъ водобоязнию, которые обращались къ нему. Надо при этомъ замѣтить, что такіе знахари никакой условленной платы за свое искусство не берутъ и—«Боже сохрани—не требуютъ, а довольствуются тѣмъ, что имъ дадутъ.»—черта глубоко симпатичная и указывающая на то, что знахарямъ этого рода чуждо шарлатанство, по крайней мѣрѣ сознательное, и что они смотрятъ на свое искусство, какъ на даръ свыше.

Очень любопытенъ при этомъ способъ передачи этого дара и отношеніе къ нему знахарей. Во-первыхъ умѣнье лѣчить, знаніе лекарствъ считается у знахарей великой тайной, которая передается у нихъ наследственно отъ отца къ сыну и, пока отецъ живъ, сынъ не имѣетъ права передать тайну никому другому. При передачѣ, отъ лица которому повѣряется секретъ, берется клятва,

(*) Суровецъ—простой хлѣбный квасъ по малороссійски.

что оно не откроется его никому, пока учитель еще живъ. При чемъ передача можетъ быть сдѣлана не иначе, какъ отъ старшаго младшему по лѣтамъ; въ противномъ случаѣ сила вѣдства, по знахарскому повѣрью, утрачивается обими — учителемъ и ученикомъ.

Понятно, послѣ этого, какъ трудно, въ особенности человѣку постороннему, разбить болѣе «барину», проникнуть въ глубину знахарской премудрости. Это-то препятствіе встрѣтилъ на первыхъ порахъ и г. Николай Зарудный, когда, послѣ выздоровленія его отца, обратился къ лечившему его знахарю съ просьбой открыть свой секретъ.

«Мнѣ чрезвычайно хотѣлось, пишетъ г. Зарудный, узнать секретъ такого успѣшнаго леченія отъ одной изъ ужаснѣйшихъ болѣзней, противъ которой медицина, какъ и сама сознается, не имѣетъ еще вѣрныхъ средствъ; но какъ я ни упрашивалъ знахаря, что ни сулилъ ему за открытіе секрета, онъ постоянно отклонялъ мои просьбы, увѣряя, что не имѣетъ права открыть свою тайну».

Однако жъ настойчивость добраго барина, оказавшаго одну великую услугу знахарю, взяла верхъ надъ суевѣріемъ послѣдняго, который наконецъ рѣшился открыть секретъ.

Взявъ съ собою заступъ, рассказываетъ г. Зарудный, мы поѣхали съ знахаремъ въ поле, гдѣ онъ долженъ былъ указать мнѣ траву, приемы ея приготовления и самого леченія. Выѣхавъ въ глухое мѣсто, гдѣ никто не могъ насъ видѣть, мы остановились на неспаханномъ участкѣ земли, на которомъ во множествѣ росли большіе кусты весьма распространеннаго въ Малороссіи молочайника (*Euphorbia Nizzuensis* L.).

— Вотъ эта трава! воскликнулъ знахарь. Теперь я покажу, какъ ее надо копать.

Начиная копать корень эвфорбіи, знахарь три раза перекрестился и обкопалъ его сперва съ четырехъ сторонъ свѣта съ востока, запада и т. д., крестообразно приговаривая слѣдующія слова:

«Святый Оврамъ усе поле зъоравъ; жена его Сара ходила, сю траву садила; а кто ѿи копавъ, тому и Господь Богъ помогавъ!»

Выкопанный корень молочайника, какъ училъ знахарь, сушится въ легкомъ духу въ печкѣ, потомъ очищается отъ земли и измельчается на обыкновенной теркѣ въ порошокъ — для животныхъ покрупнѣе, а для людей помельче, и хранится въ обыкновенной банкѣ.

При употребленіи слѣдуетъ, по совѣту знахаря, подтверждаемому г. Заруднымъ, соблюдать слѣдующія условія: въ полурюмку

